

РАИСА БОРОВИКОВА

НЕБО МИХАИЛА ПТАШУКА

В этом году, 28 января, ему исполнилось бы семьдесят лет! Для творческого человека, Художника – это ещё не возраст. Творчество не имеет возрастных границ, но его судьба распорядилась иначе... Он ушёл из жизни трагически: погиб в автомобильной катастрофе в Москве 26 апреля 2002 года. Народный писатель Беларуси Иван Петрович Шамякин писал тогда в своих воспоминаниях о нём: "...Неожиданная, нелепая, трагическая смерть Михаила Николаевича глубоко поразила, ошеломила, огорчила меня. Да разве меня одного! Всех, кто его знал, кто смотрел его фильмы. Смерть каждого человека – утрата для общества. Смерть человека, которому Бог дал талант, – национальная трагедия". Да, конечно же... национальная трагедия! Из множества фильмов, которые он снял, три – по выдающимся произведениям классиков белорусской литературы: "Возьму твою боль" по роману Ивана Шамякина, "Чёрный замок Ольшанский" по роману Владимира Короткевича и "Знак беды" по повести Василя Быкова.

"Знак беды" Михаил Пташук всегда считал своим лучшим фильмом. Очень трогательно и очень точно о великом белорусском кинорежиссёре написала в книге "Михаил Пташук" народная артистка России Нина Русланова, которая в этом фильме великолепно сыграла Степаниду: "...Пташук – удивительная фамилия, когда не знаешь человека, который её носит, или уже носил, или будет ещё носить. ПТА (ПТАХ) – в древнеегипетской мифологии покровитель искусств, ремёсел, создатель всего сущего... Пташук Миша был и создателем, и покровителем". Несомненно... Конечно же, и создатель, и покровитель. Но лично для меня Михаил Николаевич Пташук долгие годы был ещё и очень близким другом... Я и пишу о нём в основном как о друге.

Ранняя осень 1970 года. Стою на крыльце общежития Литературного института имени А. М. Горького в Москве, студенткой которого была в то время. Вдруг сзади – простодушный, весёлый голос: "Ну, и откуда же такая в белых джинсах? Случайно не из Белоруссии?" Оборачиваюсь, вижу высокого широкоплечего парня с копной волос цвета переспелой ржи, широкую, очень располагающую к общению улыбку на лице, и так же весело отвечаю: "Ну, в самую точку попал! Из Белоруссии!" Парень тут же необыкновенно оживился, зелёные глаза заиграли: "Так и я же из Белоруссии! Ты откуда именно?" – "Из Брестской области". – "Так и я же оттуда! Из Ляховичского района! Может, слышала, деревня Федюки там есть?" Про деревню Федюки, к сожалению, я в то время ничего не слышала, но те первые слова нашего знакомства с Мишей Пташуком (тогда слушателем Высших режиссёрских курсов при Госкино СССР) стали очень долгим нашим разговором, который продолжался чуть ли не полжизни, до того трагического апреля 2002 года...

Тогда же, в том далёком семидесятом, но уже где-то ближе к зиме, Миша познакомил меня со своей женой – Лилией Михайловной Пташук. Она бы-

ла тоненькая, высокая, да ещё и с высокой причёской. В ней сразу же чувствовался характер, о котором образно можно сказать: *крепкий орешек*. Человеческая молва творческим натурам нередко приписывает множество романтических увлечений и приключений... По большому счёту, Миша всегда был мужчиной одной женщины – своей жены, которую всю жизнь неистово, со всей пташукховской энергией ревновал. У неё была такая же ревность, и это каким-то образом уравнивало их отношения друг с другом, придавало особенную гармонию их любви. Пташук часто очень трогательно называл Лилю “моя Маруся”. Думаю, что это он взял из фильма “Не горюй!” Георгия Даниели (которого считал своим Наставником), где звучала очень нежная песня: “Мыла Марусенька белые ножи...”

Но вернусь к Михаилу Николаевичу как к другу... Есть много удивительных, чудесных моментов в долгой дружбе двух женщин, но их ещё больше, когда начинают дружить мужчина и женщина. Да, именно дружить! Уже после трагического ухода Миши у себя на письменном столе я нашла с десятком страниц короткого интервью, которое спешно по телефону брала у него для женского журнала ко Дню Матери: “Меня растили две женщины: мать и бабушка – Мария Семёновна и Елизавета Романовна. Они всё время плакали, были в безумной работе... Такое ощущение, что я вырос среди слёз. Глаза видели только слёзы, а уши слышали только плач!” Возможно, отсюда, с самого начала в нём жило глубокое понимание женского характера, женской души, тем более что и потом всегда рядом были две прекрасные, родные, самые близкие женщины: Лилия Михайловна и их дочь Лика.

Мне, выросшей с двумя младшими братьями (я была старшей в семье), хотелось видеть в нём того самого покровителя, о котором писала Русланова, иными словами, ведущего по жизни, вроде как старшего брата. Миша, в общем-то, и был им для меня...

Когда в конце семидесятых я получила от Союза писателей очень маленькую, но трёхкомнатную квартирку практически в центре Минска и сразу же позвонила Пташuku: дескать, приезжай, посмотри, что ты скажешь? Может, подождать чего-то лучшего? Миша приехал, посмотрел и набросился на меня: “Ты с ума сошла! Какое лучшее?! Тебе просто повезло! Это же – центр, и три комнаты!” Потом он перевозил всю мою библиотеку, посуду, небольшую мебель на своих тёмно-салатовых “жигулях”. Это была его первая машина, и он только-только учился водить её, тогда так и сказал: “Заодно я ещё и поучусь...” Во время того “перевоза” был момент, в котором, возможно, уже тогда был заложен какой-то тайный знак. Мы остановились на красный свет, рядом резко затормозил огромный грузовик, под завязку нагруженный тарой: порожними довольно большими картонными коробками. Как только водитель этого грузовика тормознул, прямо на нас с него свалилось несколько коробок... Миша тут же отъехал на обочину – посмотреть, не повреждена ли машина. Тогда я просто испугалась, а сейчас бы сказала: это предупреждение – Мише надо остерегаться автомобиля.

С машиной связан ещё один момент, но это уже были восьмидесятые годы. Пташук купил себе новую машину – чёрную “Волгу”, – и сам гнал её прямо из Горького, с завода... Через какое-то время звоню ему: “Ну, что, пригнал?” Слышу в ответ: “Да, и уже отдал в ремонт!” “А что случилось?” – спрашиваю. Миша рассмеялся: “Представляешь, пока я машину гнал, из неё по дороге какие-то детали вылетали!” Может, это опять было какое-то предостережение? Но жизнь идёт, крутит, увлекает человека, и ни о каких предостережениях он не думает...

А однажды он позвонил мне из киностудии: “Завтра утром заеду к тебе, будем репетировать!” Я прямо испугалась: что репетировать? Может, роль какую хочет предложить, так у меня же не те способности! Оказывается, он услыхал по радио литературную передачу, в которой я читала свои стихи, и сразу же определил, что я их читаю из рук вон плохо, совсем не так, как нужно: не умею держать паузу, беру не те интонации, зачем-то включаю пафос, когда это любовная лирика, где иногда уместнее переходить на полусшепот...

На следующий день он действительно приехал и сразу же попросил книгу моих стихов, начал показывать, как надо читать... Это был самый настоящий урок художественного чтения от Михаила Пташука, который, кстати, и в моей личной жизни сыграл определённую роль. В самом начале восьмидесятых я сказала ему, что выхожу замуж. “Как!? – воскликнул Миша. – Ты уже

согласилась? Я должен посмотреть на него, ты же можешь ошибиться. За муж — это же на всю жизнь!” И мне пришлось устраивать смотрины моего будущего мужа, который, как только увидел в открытую дверь незнакомого мужчину, сидящего в кресле, сразу же сбежал... “Да не расстраивайся, — начал успокаивать меня тогда Пташук. — Не дрейфь, Боровикова. Он скоро вернётся, вот увидишь. Я это успел прочитать на его лице”. Потом уже они с моим мужем очень подружились, и у нас началась дружба семьями.

В конце уже упомянутого выше интервью с Мишей Пташуким была приписка: народный артист Республики Беларусь, лауреат Государственной премии, заслуженный деятель искусств, лауреат премии Ленинского Комсомола, обладатель 14 наград на Международных кинофестивалях, член жюри Международных кинофестивалей... И за всем этим стоят фильмы, фильмы — большое кино Михаила Пташука. Дело, конечно же, не в званиях и не в наградах, а в том, какой в итоге короткой оказывается человеческая жизнь, когда невольно появляются вопросы: “И как же это?! Когда всё это он успел?!” Да, несомненно, всё успел сделать его талант — глубокий, природный, самобытный, какой-то стремительно необузданный. По большому счёту, Миша был самородком. Да и человеком он был таким же, с натурой стремительно-необузданной. Словно предчувствовал, словно знал, словно видел предел, который вырисовывался со взлёта. Да... он ушёл с высококого крыла, как птица, которая поднимается высоко-высоко в своём последнем полёте, чтобы потом упасть... Но птица падает, когда уже нет надежды, а у Миши было много надежд впереди, так явственно высвечивались исключительно новые горизонты. Как творец, как творческая личность, он всегда жил какой-то головокружительной идеей, и многое, очень многое из этих идей осуществлялось. И все — на горении, на страсти. Без последнего нельзя быть художником. У него была особая энергия...

1973 год. Телефонный звонок: “Боровикова, привет! Я — в Минске, на “Беларусьфильме”. Вроде бы и не было паузы в разговоре нашей жизни длинной в два года (1971–1972), когда Миша снимал в Одессе свой фильм “Про Витю, про Машу и морскую пехоту”. Тут, в Минске, его ждал киносценарий будущей ленты “Лесные качели”. А потом была тема войны... от фильма к фильму. Он всё время возвращался в то своё далекое прошлое, которое-то и помнить должен был смутно. Но он помнил. “Меня преследует всю жизнь одна сцена детства. Хочу снять в кино, и не получается. В хате стоят три гроба: отец и два близнеца-брата. И я краду их с маленьких гробиков, пробую тянуть в сад, поиграть с ними... И мать всю жизнь мне про это рассказывала: “Ты не верил, что они умерли...” И слёзы матери. Мать! Всю жизнь снимаю свою хату. Любую декорацию строю, как свой деревенский дом. Мать — это Быковская Степанида из “Знака беды”... Немцы гнали на работу, и ей на живот наступила лошадь. Родились два близнеца, которые через семь дней умерли...”

Вот так рассказывал мне Миша о своих первых детских воспоминаниях. А потом была школа в Барановичах. Детство и ранняя юность прошли в деревне Федюки на Брестчине, в Ляховичском районе. “Наша деревня была очень театральная. Я вырос, можно сказать, на сцене. У нас всю жизнь играли купаловскую “Павлинку” на фэстах на Семуху, а потом на 7 Ноября, на 1 Мая... С детства ходил в драмкружок. Мать моя была очень тихая, застенчивая, никого не могла обидеть и была очень одинокой, из-за меня не хотела выходить замуж. Была бы очень талантливой актрисой. Собиралась родня, и она не могла усидеть за столом... Все говорили: “Маня, покажи того или другого человека...” Иными словами, изобрази его. Органика была фантастическая!” — это тоже из Мишиных рассказов. И у него самого, как и у матери, которая большую часть своей жизни проработала в колхозе звеньевой по льну, была органика фантастическая, и ещё — воображение. Он видел какое-то своё кино, пробовал про него рассказывать, что-то такое вырисовывал и потом уже под всё это искал сценарий... Часто находил это в белорусской литературе, отсюда и “Возьму твою боль” по Ивану Шамякину, и “Знак беды” по Василию Быкову, и “Чёрный замок Ольшанский” по Владимиру Короткевичу.

Однажды он вспомнил о Владимире Короткевиче. Я это с его слов записала и опубликовала как интервью ещё в 2000 году в журнале “Алеся”. “... После премьеры “Чёрного замка Ольшанского” в минском кинотеатре “Киев” я подвозил его домой. В какой-то момент он попросил остановиться, и тот наш

очень искренний разговор я запомнил на всю жизнь. У Короткевича были плохие предчувствия, его все чаще и чаще подводило здоровье... А в общем, говорили о Беларуси. Он настойчиво убеждал меня, что нужно заниматься только своими родными истоками, что, только работая со своим национальным материалом, творец в Беларуси может сделать что-то значительное. Говорил он и о себе, о том, что очень часто люди говорили ему одно, а делали совсем другое. Думаю, что Короткевич был очень одиноким... Как будто ироничный, способный на острую, точную шутку, но за этим всем стоял человек большой грусти. Он каким-то образом выпадал из своего времени, был исключительно чужим и непонятым той эпохе, той коммунистической системе. Полный душевного романтизма ещё с шестидесятых, очень быстро эмигрировал сам в себя, потому что после короткой хрущёвской оттепели начиналась драма времени... А он опережал то время, отрываясь всё выше и выше, блуждая в своих временах, и... остался раненой птицей, которая должна была лететь на долгую дистанцию и на очень большой высоте. Высота осталась. Она, однозначно, в слове — классик, любимый и неповторимый!"

После трагического дня, когда Миши не стало, эти слова каким-то образом накладываются и на него самого. Такой огромный, жизнерадостный, со всегда готовой шуткой, он носил в себе какую-то свою грусть, свою боль. Это особенно чувствовалось во второй половине девяностых, когда какое-то время Мише пришлось быть в простое... Он, как и Владимир Короткевич, всегда считал, что наше будущее — в наших корнях... Вот строчки из воспоминаний о Пташукке одного из его учеников, Жени Сетько: "... За рубежом нас не очень хорошо знают, — говорил Михаил Николаевич, — нас путают с русскими. И многие белорусы заблуждаются, отвергая своё прошлое и подчиняя свою жизнь каким-то абстрактным идеям. Наше будущее — это наши корни. Это то, что дала нам жизнь. И мы обязаны любить эти корни, чтить их и, конечно же, воспевать". После фильмов о войне, после "Чёрного замка Ольшанского" Миша страстно загорелся нашей глубокой историей... Но ничего не получалось с запуском "Витовта" — исторического фильма про князя Великого Княжества Литовского Витовта, над сценарием которого он работал вместе с Алексеем Дударевым. Как ему хотелось снять этот фильм! Но всё упиралось в какую-то невидимую стену, объяснение которой — финансовые трудности. И оставалось одно сожаление, нужно было искать и браться за что-то другое. Бывало, какая-то щёлочка приоткрывалась, тогда мог позвонить возбуждённый Миша: "Давай встретимся, есть идея, может получиться! Попробуй написать мне заявку кинокомедии для одной турецкой киностудии!" И писалась заявка, мы часами обговаривали сюжет, придумывали невероятные смешные сцены, но в итоге и тут ничего не получалось. А потом как-то (это был, кажется, 1998 год) Миша вернулся из Ташкента, с Международного кинофестиваля, позвонил мне: "Боровикова, очень даже может получиться... Я тут познакомился с кинорежиссёром из Бомбея, у него там своя киностудия... Что-то такое почти предложил... Давай рискнём, напишем сценарий... Я поставлю одну серию здесь у нас, в Беларуси, а вторую — у него в Индии". И стали мы с Мишей писать сценарий двухсерийного фильма о любви молодого индуса и белорусской девушки. Мне пришлось взять отпуск. Он, как правило, утром приезжал к нам домой, мы бурно обговаривали ту или иную сцену... Миша тут же проигрывал её, случалось в разных вариантах, что затягивалось на полдня... Потом он уезжал, а я садилась за пишущую машинку... Работали больше месяца без продыху, даже муж мой проникся особым расположением и то и дело заваривал и приносил нам кофе... Когда приступали ко второй серии, несколько дней штудировали самые разные книги: вникали в историю, культуру Индии, изучали быт, народные традиции, природу этой далёкой от нас страны. И вот сценарий готов... Миша нашёл переводчика, который быстро перевёл его на английский язык, отослал в Бомбей и... опять финансовые трудности. Индийская сторона была согласна частично профинансировать только вторую серию. Единственное воспоминание об этом — в газете "Культура" появился материал о нашем проекте с фотографией, где Миша — в чалме, как заклинатель змей, а я — в очаровательном сари с капелькой на лбу.

А потом в нём опять каким-то образом отозвалась война, и он загорелся идеей снять "В августе 44-го..." по роману российского писателя Владимира Богомолова "Момент истины". Очень жалею, что по разным обстоятельствам тогда не смогла вырваться на съёмки этого фильма, хотя несколько раз дого-

варивались, что я подъеду, чтобы написать о съёмках в какое-нибудь издание. Миша настолько был увлечён работой, что забывал о наших договорённостях и не обижался. О том периоде охотно писали другие. Сразу же после “В августе 44-го...” Пташук приступил к новой работе — к съёмкам фильма “Песня Розы”. У него, как никогда раньше, начиналась новая, необыкновенно интенсивная жизнь. С одной стороны — поездки на различные кинофестивали, показ фильма “В августе 44-го...”, с другой — съёмки и новые проекты... Собранный, он словно бы спешил жить, словно бы что-то восполнял увлечённо, с азартом. Он вообще был необыкновенно эмоциональным, увлечённым человеком, не любил говорить о трудностях. Однажды во время разговора о матери, Марии Семёновне, которую Миша в последние годы её жизни забрал к себе из деревни, и они с женой не один год ухаживали за ней, он сказал: “Она научила меня главному — терпению. Это я говорю и дочери: “Надо работать и терпеть, тогда всё придёт... Если Бог тебе дал, то всё, что положено свыше, будет твоим, ничего никуда не уйдёт, только надо дожидаться. У нас в семье все терпели — исключительно крестьянская психология. Она очень верная для нашего времени”.

Да, Миша умел терпеть и никогда, ни при каких обстоятельствах не падал духом. Жизнь вдыхала в него что-то крылатое, и он словно бы выдыхал простор. При нём становилось свободно и легко: много света, много мыслей, самого воздуха много. Очень многие люди, которые тем или иным образом соприкасались с ним, всегда отмечали его особую энергетику, как будто бы в нём жил сплав самых разных энергий, земных и неземных. Как-то недавно в одном из разговоров его жена Лиля Михайловна мне сказала: “Ты знаешь, на сороковой день после Мишиной смерти у нас в доме искрились все розетки, ничего не могли включить — сразу же искры... Может, так с нами уже окончательно прощалась Мишина душа?” В это можно поверить, зная Мишу. “Никакая, даже самая буйная фантазия не способна представить Михася Пташука хотя бы на короткий миг успокоенным, созерцающим, расслабленным, безразличным или просто удовлетворённым” — это слова Алексея Дударева о Пташуке. Да, у него была особенная, как теперь модно говорить, аура. И каким же удивительным он был собеседником! Где-то приходилось читать, что художники, в общем-то, делятся на два типа: одни ищут славы, успеха, постоянно мучаются из-за этого, к другим же, наоборот, слава и успех льнут сами. Они не прилагают к этому никаких усилий. Миша, безусловно, принадлежал к другому типу: он работал. Всё остальное его вроде бы и не интересовало, но почти всегда приходил успех. Ничто не оставалось незамеченным, неотмеченным. Награды, так или иначе, догоняли его. Тут срабатывал единственный принцип: да воздастся! Таланту, терпению, работе... Он полностью уходил в неё, исчезал, растворялся. Необыкновенно ценил талант в людях и страстно, искренне радовался, когда приходилось работать с большими талантами.

Странно, но я до мелочей могу вспомнить за эти более чем тридцать лет множество наших встреч и разговоров, в последние пять-десять лет чуть ли не каждую неделю, а вот последний разговор, как ни бьюсь, вспоминается очень смутно. Миша даже не сказал, что они с женой едут в Москву, где в отдельных номинациях фильм “В августе 44-го...” выдвинут на “Нику”. Хотя говорили очень долго. Он рассказывал о впечатлениях от Америки, откуда только-только вернулся, о своих новых проектах; это был уверенный взгляд в какую-то новую даль... У меня тоже было чем поделиться: как раз в это время мне предложили возглавить журнал “Маладосць”, и у меня было много сомнений. Мне нужен был совет, что делать, как быть? Согласиться или отказаться? Описала ему ситуацию, и Миша сказал однозначно: “Соглашайся. Свято место пустым не бывает, так почему бы тебе не пойти? Только стоящего заместителя возьми, талантливого и обязательно единомышленника, чтобы не было, как в басне у Крылова: кто-то — в облака, а кто-то в реку...” Был обычный разговор, и мне совершенно не помнятся интонации его голоса, а, возможно, именно за ними пряталось какое-то его предчувствие. Он был тонким человеком, думаю, не однажды делал так, как подсказывала интуиция. А тут... не уберётся! Не увидел, не услышал какого-то тайного знака. Рок? Судьба? Пташук, как и я, очень дружен был с драматургом Еленой Поповой. И вот она не раз вспоминала, как ещё во время учёбы на Высших режиссёрских курсах Мише кто-то нагадал по руке, что у него короткая линия жизни.

Тогда, в ту минуту он заперезживал, а потом, возможно, об этом не однажды думал... Мысли могут материализоваться. Не получилось ли, что невольно он сам себе напроорочил свой уход? Как у русского поэта Николая Рубцова, который написал в одном стихотворении: "...Я умру в Крещенские морозы", – и именно в эти морозы через какое-то время и умер...

Мишина жизнь оборвалась на самом пике нового, очередного творческого взлёта, у него появилось много интересных проектов, и в принципе, каждый из них был осуществим, и тут как понять судьбу? Кажется, это была суббота, 27 апреля, выходной день. Где-то перед обедом мне позвонил встревоженный Алексей Дударев: "Ну, ты уже слышала про Мишу... Это правда?" "Что правда?" – переспрашиваю. И Дударев не смог сказать "эту правду": в такое трудно было поверить. "Ты кому-нибудь позвони, спроси, потом мне перезвонишь..." И я сразу же набрала телефон Пташук, услышала Мишин голос, записанный на автоответчик... Потом позвонила жене одного кинорежиссёра, который, как оказалось, в это время был в Москве в командировке. Он ей звонил, рассказал о случившемся. И всё равно не верилось, пока в Минск не вернулась Лиля и не привезла Мишу...

Время многое затягивает своим пологом. Вот и Миша Пташук чаще всего уже видится откуда-то издалека, но иногда так явственно приближается, словно хочет что-то сказать, пока известное только ему... Предостеречь? Успокоить? Или просто поделить своей неуёмной энергией уже оттуда, с небес? Живое лицо, живой взгляд, играющие улыбкой глаза... Вот и его Лиля, которую до сих пор всё никак не могу назвать вдовой, в одном из наших недавних разговоров сказала: "Ты знаешь, прямо мистика какая-то... Прихожу на кладбище, смотрю на памятник... Он улыбается с портрета, а чуть отойду, он уже хмурится взглядом, а с другой стороны взгляну: глаза печальные-печальные... Ну, живое лицо!" Да... живое! Это память сердца: оно видит людей всегда живыми. Иногда я невольно ловлю себя на мысли, что мне очень хочется однажды вместе с Лилией Михайловной поехать в Ляховичский район, в ту самую деревню Федюки, где когда-то давно бегал маленький рыжеволосый босоногий мальчик Миша... Хочется посмотреть в небо над Федюками... Не знаю, как федюковцы, но я уверена, что в этом небе зажглась и неизменно горит самая яркая звезда современного белорусского кинематографа, имя которой – Михаил Пташук, большой белорусский кинорежиссёр, великий Мастер, народный артист Беларуси, а что лично до меня – так ещё и милый друг, который навсегда остался в сердце...